

I

Мужество и политика

Эта книга посвящена самому восхитительному из человеческих достоинств – мужеству. «Сохранять достоинство вопреки давлению» – так определил его Эрнест Хемингуэй¹. Это рассказ о давлении, испытанном восемью сенаторами Соединенных Штатов, и о достоинстве, с которым они противостояли ему, рискуя своими карьерами, в условиях непопулярности избранного ими курса, дискредитации их личности и иногда, к сожалению лишь иногда, добываясь оправдания своей репутации и своих принципов.

Страна, забывшая достоинства мужества, которое было привнесено в прошлом в общественную жизнь, вряд ли может сегодня требовать это качество от ее избранных лидеров или вознаграждать их за это, – а мы действительно их забыли. Мы можем помнить, как Джон Квинси Адамс стал президентом в результате политических комбинаций Генри Клея², но мы забыли, как он, будучи молодым человеком, пожертвовал сенатской карьерой, чтобы защитить свою страну. Мы можем помнить Дэниела Уэбстера

¹ Хемингуэй, Эрнест (1899–1961), американский писатель.

² Клей, Генри (1777–1852), американский государственный и политический деятель, сенатор, государственный секретарь (1825–1829), кандидат в президенты США (1824, 1832).

за его раболепство перед Национальным банком на протяжении значительной части его личной карьеры, но мы забыли принесенную им жертву во имя национального блага на закате его карьеры. Мы не помним – и, возможно, нас это не волнует.

«Народу наплевать на то, что говорит обычный сенатор или конгрессмен, – так совсем недавно заявил миллионам своих читателей один из синдицированных газетных обозревателей. – Причиной этого безразличия является то, что услышанное вами в Конгрессе на 99% является вздором, невежеством и демагогией и недостойно доверия...».

Несколько ранее член кабинета министров записал в своем дневнике:

«Хотя я не очень готов верить в полную точность Сената, я в очень малой степени полагаюсь на честность и правдивость значительной части сенаторов. Большинство из них представляют собой мелкую сошку, слабоумных и абсолютно не годящихся на роль сенаторов. Некоторые из них являются... вульгарными демагогами... некоторые – состоятельными людьми, купившими свои посты... [некоторые] обладают узким интеллектом, ограниченным пониманием и низменными предубеждениями...».

А еще раньше член Сената сказал своим коллегам, что «вера народа нас покидает, потому что мы неоправданно опаздываем».

Сенату известно, как много американцев разделяют сегодня эти чувства. Нам говорят, что сенаторы должны быть политиками, а политиков должно заботить лишь получение голосов, обеспечивающих победу на выборах, а вовсе не мастерство управления государственными делами или мужество. Матери могут по-прежнему желать, чтобы их любимые сыновья выросли и стали президента-

ми, но согласно известному опросу общественного мнения, проведенному Гэллапом несколько лет назад, они не хотят, чтобы их сыновья становились политиками на своем пути к президентскому посту.

Означает ли сегодняшняя волна критики и проявления неуважения, что качественный уровень Сената упал? Конечно, нет. Дело в том, что из трех выше процитированных заявлений одно было сделано в XX веке, второе – в XIX, а третье – в XVIII (когда недавно созванная первая сессия Сената дебатировала вопрос о том, где быть зданию Капитолия).

Означает ли это, что Сенат не может более похвастать мужественными людьми?

Спустя почти полвека внимательных наблюдений Уолтер Липпман¹ изложил в своей недавно изданной книге весьма жесткое суждение как о политиках, так и об электорате:

«С учетом исключений, настолько редких, что их можно рассматривать как чудеса и причуды природы, достижения успеха демократические политики являются уязвимыми и запуганными людьми. Они преуспевают в своей карьере, лишь уговаривая, умиротворяя, подкупая, совращая, обманывая или любым иным способом манипулируя той частью своих избирателей, которая выступает с различными требованиями и угрозами. Решающим соображением является не высокое достоинство предложения, а его популярность – не то, что оно обеспечит хорошие результаты и докажет свою обоснованность, а то, насколько незамедлительно оно получит одобрение у наиболее громогласной части избирателей».

¹ Липпман, Уолтер (1889–1974), американский журналист и публицист.

Я не склонен считать – после почти десяти лет жизни и работы в среде «успешных демократических политиков», – что все они «уязвимые и запуганные люди». Я уверен, что сложность государственной деятельности и конкуренция за общественное внимание затенили бесчисленное множество актов политического мужества – крупных и мелких, – совершаемых чуть ли не ежедневно в зале Сената. Я уверен, что состояние упадка – если оно вообще существует – характерно для Сената в меньшей степени, чем для общественной оценки искусства политической деятельности, ее природы и необходимости компромисса и баланса, да и самой природы Сената как законодательного органа. И наконец, я уверен, что мы подвергали критике тех, кто следовал за толпой, и одновременно тех, кто игнорировал ее, потому что не до конца понимали ответственность сенатора перед своими избирателями и не осознавали трудностей, стоящих перед политиком, сознательно стремящимся, говоря словами Уэбстера, «в одиночку столкнуть свой челн с берега» во враждебное и бушующее море. Возможно, если бы американский народ отдавал себе более полный отчет в огромном давлении, препятствующем проявлениям политического мужества, которое вынуждает сенатора предавать или подавлять свою совесть, тогда бы народ, возможно, был настроен менее критично в отношении тех, кто избирает более легкий путь, и более высоко оценивал тех, кто еще в состоянии продолжать идти по пути мужества.

Первой достойной упоминания разновидностью давления является форма давления, редко признаваемая широкой публикой. Американцы хотят, чтобы их любили, и сенаторы не составляют исключения. Они являются по природе своей – и по необходимости – общественными животными. Нам доставляют удовлетворение товарищеское отношение и одобрение наших друзей и коллег. Мы предпочитаем похвалу оскорблениям, популярность – презре-

нию. Отдавая себе отчет в том, что путь сознательного бунтаря зачастую должен быть пройден в одиночку, мы стремимся быть в хороших отношениях с нашими коллегами-законодателями, нашими партнерами по клубу, придерживаться клубных правил и образцов поведения, не избирать особый и независимый курс, который собьет с толку или вызовет раздражение других членов Сената. Более того, мы понимаем, что наше влияние в клубе и степень, в которой мы сможем осуществить наши цели и цели наших избирателей, зависят в определенной мере от уважения, испытываемого к нам другими сенаторами. «Для того, чтобы сохранить хорошие отношения, – сказали мне, когда я стал членом Сената, – надо быть в хороших отношениях».

Сохранение хороших отношений означает нечто большее, чем наличие просто приятельских отношений, – оно включает умение добиться компромисса, понимание пределов возможного. Мы не должны спешить с обвинениями в адрес любого компромисса как безнравственности, поскольку к политической и законодательной деятельности не применимы жесткие принципы или недостижимые идеалы. Политика, как некогда тонко подметил Джон Морли¹, – это «сфера деятельности, где сражение не является наилучшим способом действия и где выбор всегда лежит меж двумя ошибками». Законодательная деятельность при демократическом образе жизни и согласно федеральной системе правления требует компромисса между желаниями каждой личности и группы и теми, кто их окружает. Генри Клей, большой знаток в этой области, говорил, что компромисс служит тем самым цементом, который скрепляет весь Союз:

¹ Морли, Джон (1838–1923), английский политический и государственный деятель, журналист, издатель, член Палаты общин, член нескольких кабинетов министров Великобритании.

«Вся законодательная деятельность... основывается на принципе взаимных уступок... Пусть тот, кто возвышает себя над человечеством, над его слабостями, его недостатками, его потребностями, его необходимостями, скажет, если захочет: “Я никогда не пойду на компромисс”, но пусть никто из тех, кто не возвышается над слабостями нашей общей природы, не пренебрегает компромиссом».

Именно компромисс является тем средством, который препятствует любой группе реформаторов – будь то сторонники свободного производства и продажи алкогольной продукции или сторонники сухого закона, интернационалисты или изоляционисты, сторонники или противники вивисекции – обрушиться на группу, находящуюся на противоположном полюсе политического спектра. Фанатики и экстремисты и даже те, кто добросовестно верит в жесткие и точно сформулированные принципы, всегда остаются разочарованными тем, что их правительству не удалось быстро реализовать эти принципы и осудить принципы их противников. Но на законодателе лежит некоторая ответственность за примирение этих противостоящих сторон в своем штате и в партии и за их представительство в более сложном столкновении интересов на национальном уровне, и только ему известно, что существует очень мало (если они вообще существуют) вопросов, где вся истина, вся правда и все ангелы находятся на одной стороне.

Некоторые из моих коллег, которых сегодня критикуют за отсутствие четко выраженных принципов или презрительно считают «политиканами», склонными к компромиссам, попросту занимаются тонким искусством примирения, балансирования и интерпретирования интересов сил и фракций общественного мнения, искусством, жизненно необходимым для сохранения единства нашей страны и предоставления нашему правительству возможности

действовать. Их совесть может время от времени подсказывать им необходимость занять более твердую, принципиальную позицию, но их разум может подсказать, что хороший или плохой законопроект лучше, чем никакой, и что лишь в результате взаимных уступок, содержащихся в компромиссе, законопроект получит одобрение Сената, Палаты представителей, президента и страны.

Но остается вопрос: как и с кем мы будем достигать компромисс? Очевидно, что не составляет труда воспользоваться никому ненужными уступками вовсе не потому, что они являются средством разрешения конфликта законным путем, а потому, что они позволяют «сохранить хорошие отношения».

В высказанном мне предупреждении о необходимости «сохранять хорошие отношения» содержались и другие скрытые обещания – обещания вознаграждений, которые последуют за выполнением мною обязательств следовать линии партийного руководства, которое я помог выбрать. Всем нам в Конгрессе дали ясно понять важность партийного единства (какие только грехи ни совершались во имя этого!) и того печального результата для шансов нашей партии на следующих выборах, которые могут быть вызваны любым проявлением бунтарства. Более того, в наше время в сфере государственной службы земные блага покровительства, доступные законодателю, – для распределения между активными участниками избирательной кампании, движимыми чем-то более весомым, чем простые убеждения, – относительно невелики; и тот, кто внесет разлад в партийные ряды, может внезапно обнаружить, что он этими благами не обладает. Даже успех законопроекта, в котором он заинтересован, зависит в какой-то степени от того, насколько поддержка, оказанная им программе его партии, обеспечила ему помощь со стороны лидеров его партии. И наконец, сенатор, придерживающийся независимой линии, подсказанной его совестью, скорее все-

го обнаружит, что он заслужил презрение не только своих коллег в Сенате и своих соратников по партии, но и недовольство особенно важных для него жертвователей в его предвыборный фонд.

Именно мысли о предстоящей предвыборной кампании, желание быть избранным на новый срок оказывают давление *второй* разновидности на сознание сенатора. Не следует автоматически соглашаться с тем, что в основе этого желания лежит сугубо эгоистическая мотивация, хотя вполне естественно, что человек, избравший политику своей профессией, должен стремиться к продолжению своей карьеры, поскольку сенаторы, которые терпят поражение в тщетной попытке защитить один-единственный принцип, окажутся не в состоянии в будущем бороться за этот или любой другой принцип.

К тому же поражение представляет собой не только неудачу для самого сенатора – он обязан учитывать и воздействие этого поражения на поддерживаемую им партию, на друзей и сторонников, которые «выложились» в его интересах или инвестировали свои сбережения в его карьеру, и даже на его жену и детей, чье счастье и благополучие, зачастую зависящие, по крайней мере частично, от его успеха на занимаемом им посту, могут означать для него больше, чем что-либо другое.

Где же еще (в нетоталитарной стране), кроме как в политической профессии, можно ожидать от личности полной готовности к жертве – включая собственную карьеру – во имя блага своей страны? В частной жизни, так же как и в производственной деятельности, от личности ожидают, что она будет преследовать свой собственный цивилизованный интерес – в пределах законности – с целью достижения полного успеха. Но в общественной жизни мы ожидаем, что отдельные личности будут жертвовать своими частными интересами во имя прогресса общенационального блага.

Ни в одной другой сфере деятельности, кроме как в политике, нельзя ожидать, что человек пожертвует своей честью, престижем и избранной карьерой во имя одной-единственной цели. Адвокаты, бизнесмены, учителя, исследователи, доктора – перед всеми ними возникают вопросы, затрагивающие их честь. Но лишь немногие (если вообще кто-нибудь из них) сталкиваются с такой ситуацией на глазах у всех в такой степени, как люди, занимающие государственные посты. Лишь немногие сталкиваются с внушающей ужас окончательностью решения, которое предстоит сделать сенатору в ходе важного голосования. Ему, возможно, требуется больше времени для принятия решения: видимо, он считает, что обе стороны заслуживают внимания и что небольшая поправка может устранить все препятствия, но, когда объявляется голосование, он не может спрятаться, не может уклониться, не может медлить и чувствует, что его избиратели, подобно Ворону из поэмы По¹, уселись на его сенатском рабочем столе, каркая «больше никогда», пока он подает свой голос, от которого зависит его политическое будущее.

Очень немногие сенаторы «удаляются в Покателло»² по своей воле. Вирус потомакской лихорадки, свирепствующей повсюду в Вашингтоне, не размножается в более заразной форме, чем та, которая существует в атмосфере Сената. Перспектива вынужденной отставки из «самого

¹ По, Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель и критик. В 1845 г. издал сборник «Ворон и другие стихотворения».

² Вашингтонское политическое понятие, символизирующее полный и окончательный уход в отставку и возвращение к спокойной частной жизни в американской глубинке. Авторство его приписывается сенатору Ричарду Нойбергеру (1912–1960). Действительно существующий городок Покателло (штат Айдахо) с населением около 70 тыс. человек (вместе с пригородом Чубук) представляет в наши дни пример небольшого, но вполне самодостаточного населенного пункта городского типа, обладающего всеми необходимыми для жизни элементами микроструктуры.

эсклюзивного клуба мира», возможность потери интересной работы, захватывающие атрибуты и впечатляющие прерогативы поста члена Конгресса могут вызвать бессоницу даже у самого мужественного политика. Таким образом, некоторые сенаторы, возможно даже не осознавая это, избирают более легкий, менее мучительный курс гармонизировать или рационализировать то, что кажется на первый взгляд конфликтом между собственной совестью – или результатом собственных размышлений – и мнением большинства его избирателей. Такие сенаторы вовсе не являются трусами – они просто развили в себе привычку искреннего принятия того решения, которое неизбежно соответствует общераспространенному мнению.

Есть и другие сенаторы, которые не развили в себе такой привычки – они ни приспособливались, ни умирляли свою совесть: они считают искренне и без какого-либо цинизма, что им следует забыть о совести, если они намерены добиться результата. Профессия политика, и они согласятся здесь с политическим публицистом Фрэнком Кентом, не является аморальной – она просто неморальна:

«Возможно, наиболее важным самим по себе достижением для политически амбициозных людей является утонченное искусство – казаться говорящим что-то, не говоря ничего... Важно быть не на стороне справедливого решения конкретного вопроса, а на стороне его популярного решения... независимо от ваших собственных убеждений или фактов. Этот бизнес по привлечению голосов носит очень жесткий практический характер, и вход в него соображениям морали, правоты или неправоты запрещен».

И Кент цитирует совет, якобы высказанный аризонским сенатором Эшерстом его коллеге Марку Смиту в ходе избирательной кампании 1920 г.:

«Марк, Вашей основной проблемой является то, что Вы отказываетесь быть демагогом. Вы не пожертвуете своими принципами, чтобы быть избранным. *Вам следует усвоить, что возникают ситуации, когда человек, занятый государственной деятельностью, иногда вынужден подняться над своими принципами*».

Не все сенаторы согласятся с этим, но лишь немногие смогут отрицать, что желание быть переизбранным оказывается сильным тормозом для проявления независимого мужества.

Третьей и наиболее значительной разновидностью давления, которая препятствует проявлению политического мужества честным сенатором или конгрессменом – а практически все проблемы, описываемые в этой главе относятся в одинаковой степени к членам обеих палат Конгресса, – является давление избирателей, групп интересов, организованных авторов писем, экономических блоков и даже рядового избирателя. Соправиться с этим давлением, сопротивляться или даже поддаться ему – исключительно трудная задача. Всем нам иногда присуще стремление последовать примеру калифорнийского конгрессмена Стивена Мак-Гроарти, который писал в 1934 г. одному из своих избирателей:

«Один из бесчисленных недостатков того, что я заседаю в Конгрессе, состоит в том, что я вынужден получать от такого болвана, как Вы, нахальные письма, в которых Вы утверждаете, что я обещал покрыть горы Сьерра-Мадре лесом и что я, пробыв в Конгрессе два месяца, не сделал этого. Не соблаговолите ли Вы отправиться бегом к черту?».

К счастью или несчастью, мало кто следует этому примеру, но такое желание явно присутствует, и вызывается оно не только необоснованными письмами и невыполнимыми

просьбами, но и безнадежно бестолковыми требованиями и бесконечно неудовлетворенными жалобами.

К примеру, сегодня у меня в кабинете была делегация, представляющая текстильные фабрики Новой Англии, отрасли, имеющей важное значение для нашего процветания. Они хотят снижения тарифов на импортируемую шерсть, покупаемую ими в Австралии, и повышения тарифов на готовые шерстяные изделия, импортируемые из Англии, с которыми они должны конкурировать. Один из моих коллег с Юга рассказал мне, что его недавно посетила аналогичная группа с такими же просьбами, а затем стала настаивать на том, чтобы он предпринял шаги с целью (1) подавления конкуренции со стороны Японии, пользующейся преимуществом более низкой оплаты труда, и (2) воспрепятствования намерению Конгресса повысить уровень минимальной заработной платы и тем самым упразднить преимущество низкой оплаты труда, которыми они как раз и пользуются (что, естественно, вызывает недовольство у моих избирателей). Всего лишь вчера две группы вызвали меня из зала Сената: первая состояла из бизнесменов, настаивавших на прекращении деятельности местного правительства, которая представляла собой недобросовестную конкуренцию частному предпринимательству, а вторая представляла лиц, работающих на правительственном объекте, которых беспокоила перспектива сохранения их рабочих мест.

Все мы, члены Сената, сталкиваемся с бесчисленными примерами подобных конфликтующих давлений, которые лишь отражают все нестыковки, неизбежные в нашей сложной экономике. Если мы честно говорим нашим избирателям, что мы ничего не можем сделать, у них создается впечатление, что мы не проявляем к ним сочувствия или же что мы не соответствуем требованиям нашего поста. Если мы пытаемся что-то сделать и терпим неудачу, обычно сталкиваясь с противодействием со стороны других

сенаторов, представляющих иные интересы, – они говорят, что мы ничем не лучше всех других политиков. Нам остается лишь удалиться в курительную комнату и рыдать на плече симпатизирующего коллеги или же отправиться домой и отыгаться на наших женах.

Мы можем говорить себе, что эти группы давления и авторы писем представляют лишь малый процент избирателей – и это правда. Но они являются именно теми малочисленными активистами, чьи взгляды нельзя игнорировать и кто составляет большую часть наших контактов с широкой массой избирателей, чьего мнения мы не знаем, чей голос нам следует получить и, вместе с тем, кто, скорее всего, имеет ограниченное представление о том, что мы собираемся делать. (Один сенатор, с тех пор ушедший в отставку, сказал, что он всегда голосовал в интересах тех или иных особых групп, надеясь, что ко времени выборов все они, взятые вместе, составят едва ли не большинство, с благодарностью помнящее о нем, тогда как другие представители широкой общественности так никогда и не узнают – и тем более не вспомнят – о том, что он голосовал вопреки их благополучию. То, что эта, казалось бы, беспроблемная формула не сработала в его случае, придает уверенности).

Таковы, следовательно, некоторые из разновидностей давления, с которыми сталкивается честный человек. Он не может игнорировать группы давления, своих избирателей, свою партию, дружбу своих коллег, нужды своей семьи, свою собственную профессиональную гордость, необходимость компромиссов и важность сохранения своей должности. Он должен сам решить, какой путь он выбирает, какой шаг окажется наиболее результативным или вредным с точки зрения идеалов, которым он себя посвятил. Он понимает: стоит ему начать взвешивать каждый из стоящих перед ним вопросов, имея в виду шансы на свое переизбрание, стоит ему начать отказываться от своих

принципов по тому или иному вопросу из опасения, что иной путь навредит его карьере и помешает его борьбе за принципы в будущем, как он утратит свободу совести, оправдывающей продолжение его пребывания в должности. Но решение, в какой момент и по какому вопросу ему следует рискнуть карьерой, – это трудное и ответственное решение.

Но кто-то скажет, что на самом деле проблемы здесь нет. Всегда делай то, что правильно, невзирая на то, популярно это или нет. Игнорируй все виды давления, соблазны и ложные компромиссы.

Это легкий ответ, но он легок только для тех, на ком не лежит ответственность выборной должности, поскольку затрагивается нечто большее, чем давление, политика и личные амбиции. Имеем ли мы законное право игнорировать требования наших избирателей, даже если мы можем и хотим так поступать? Мы назвали виды давления, осложняющие проявление политического мужества. Давайте обратимся сейчас к тем конституционным и более общим по смыслу обязанностям, которые ставят под вопрос правильность такого курса, – обязанностям перед нашим штатом и избирательным участком, перед нашей партией и прежде всего перед нашими избирателями.

Первейшая обязанность сенатора, и с этим согласится большинство людей, – представительство точки зрения его штата. Наша система является федеральной по определению – Союз относительно суверенных штатов с весьма различными нуждами, – и отсюда следует моя определенная Конституцией обязанность как сенатора представлять интересы моего штата. Кто же будет говорить от имени Массачусетса, если этого не будут делать его сенаторы? Права этого штата и даже его самобытность будут ущемлены. Его равное представительство в Конгрессе будет утрачено. Его надеждам, пусть даже время от времени

отражающим мнение меньшинства, будет отказано в равных возможностях быть услышанными, на что имеют право взгляды всех меньшинств.

Сенатору, кем бы он ни был, не приходится долго размышлять, чтобы понять, что его коллеги представляют свои *локальные* интересы. И если от таких интересов приходится когда-либо отказываться в пользу общенационального блага, пусть избиратели – а не сенатор – решают, когда и в какой степени так поступать. Поскольку он является их агентом в Вашингтоне, защитником их прав, которому вице-президент предоставляет слово в зале заседания Сената как «сенатору из Массачусетса» или «сенатору из Техаса».

Но сказав и признав все вышеизложенное, мы все-таки не рассказали всего. Дело в том, что в Вашингтоне мы являемся «сенаторами Соединенных Штатов» и членами Сената Соединенных Штатов, а также сенаторами от Массачусетса и Техаса. Нашу присягу на должность принимает вице-президент, а не губернатор нашего соответствующего штата, и мы приезжаем в Вашингтон, если перефразировать Эдмунда Бёрка, не как посланцы или наделенные особыми полномочиями просители от нашего штата или избирательного участка, враждебно настроенные к защитникам интересов или агентам других регионов, а как члены совещательной ассамблеи одного и того же государства, преследующего одни и те же интересы. Конечно, мы не можем игнорировать нужды нашего географического района – да мы и не могли бы этого делать с легкостью, будучи уроженцами этого региона, – но среди нас невозможно было бы найти ни одного, кто озаботился бы общенациональными интересами, если бы местные интересы полностью доминировали над каждым из нас.

Помимо обязанностей перед штатом и регионом существуют и другие обязанности – обязанности перед партией, давление которой уже описывалось выше. Если я даже

обойду вниманием эти разновидности давления, разве я не обязан поддерживать партию, которая поставила меня на мой пост? В нашей стране мы верим в принцип партийной ответственности и признаем необходимость соблюдать партийные платформы, если партийному символу отводится важная роль в глазах избирателя. Только таким образом может наша, в принципе двухпартийная, страна избежать опасности многочисленных отколовшихся групп, непорочность и непреклонность принципов которых – если мне будет дозволено предложить своеобразный политический закон Грешэма¹ – увеличивается в обратной пропорции к численности их членов.

И вместе с тем мы не можем позволить, чтобы давление партийной ответственности подавляло по каждому вопросу зов личной ответственности. Поскольку партии грозит опасность, если она в своем стремлении к единству, поддержанию дисциплины и успеху однажды решит, что для нее не приемлемы новые идеи, независимое поведение или мятежники в ее рядах. Говоря словами сенатора Альберта Бевериджа²,

«партия может жить, лишь численно прирастая, нетерпимость к идеям [означает] ее смерть...

¹ Закон Грешэма, сформулированный финансовым агентом королевы Великобритании Елизаветы I сэром Томасом Грешэмом (1519–1579), гласит: «Плохие деньги вытесняют из обращения хорошие деньги». Под «хорошими» деньгами подразумевается денежная единица, разница между меновой и товарной стоимостью которой незначительна. «Плохие» деньги – соответственно те, разница в меновой и товарной стоимости которых значительна, причем их товарная стоимость заметно уступает меновой (к примеру, если две монеты одинакового номинала изготовлены из металла разной ценности – золота и серебра, то серебряная монета вытеснит золотую из обращения).

² Беверидж, Альберт Дж. (1862–1927), американский политический деятель, юрист и историк, сенатор, один из основателей Прогрессивистской партии (1912).

Организация, численный рост которой обусловлен лишь целью получить больше голосов, партия, где сын занимает место отца, является не политической партией, а китайской тайной организацией; не граждане, объединенные мыслью и сознанием, а индейское племя, объединенное кровью и предубеждением».

Двухпартийная система сохраняется не потому, что обе партии правы, а потому, что обе отличаются гибкостью. Когда я был избран в Конгресс, Республиканская партия была достаточно многочисленна, чтобы ее членами были, к примеру, и Роберт Тафт, и Уэйн Морзе, а демократический сектор Сената, в котором я сейчас тружусь, успешно объединяет, к примеру, и Гарри Бёрда, и Уэйна Морзе¹.

Конечно, обе основные партии стремятся сегодня служить общенациональным интересам. Они поступают так, чтобы обеспечить себе наиболее широкую базу поддержки, не говоря уже о более благородных причинах. Но когда партия и должностное лицо расходятся в вопросе о том, каким образом следует служить национальным интересам, мы должны прежде всего считать себя ответственными не перед нашей партией и даже не перед нашими избирателями, а перед своей собственной совестью.

Но несколько легче отказаться от своих обязательств перед местными интересами и партийными контактами, чем столкнуться лицом к лицу с проблемой ответственности перед волей своих избирателей. Сенатор, избегающий нести эту ответственность, покажется никому не подотчетным, и таким образом исчезнут основные гарантии за-

¹ Сенаторы – республиканец Роберт Тафт и демократ Гарри Бёрд считались консерваторами, тогда как сенатор Уэйн Морзе, в разное время представлявший обе основные политические партии и даже объявлявший себя независимым, принадлежал к либеральному крылу членов Сената США.

щиты нашей демократической системы. Он более не будет представителем в истинном смысле слова, он не оправдал доверие народа, он предал веру в него, продемонстрированную теми, кто голосовал за него, чтобы он провел в жизнь их взгляды. «Позволительно ли созданию выступить против своего создателя? – задал вопрос Джон Тайлер¹ в своем первом выступлении перед Палатой представителей. – Позволительно ли слуге не подчиняться желаниям своего хозяина?»

«Как можно его считать представляющим народ, когда он говорит не их языком, а своим собственным? Он перестает быть их представителем, когда он так поступает, и представляет лишь себя».

Короче говоря, согласно этой логике мышления, если я намерен должным образом соответствовать воле моих избирателей, я обязан ставить выше всего на свете их принципы, а не свои. Это не всегда бывает легким делом, но, тем не менее, именно это является сутью демократии, верой в разум народа и в его точку зрения. Конечно, народ будет ошибаться – он получит точно такое правительство, которого заслуживает, но это гораздо лучше, чем представитель народа, самонадеянно берущий на себя право заявлять, что он знает лучше, чем они, что им нужно. И в качестве завершающего аргумента: разве он избран не для того, чтобы он голосовал так, как голосовали бы они, если бы оказались на его месте?

Трудно согласиться с таким узким взглядом на роль сенатора Соединенных Штатов – взглядом, сводящимся к тому, что народ Массачусетса направил меня в Вашингтон, чтобы я служил простым сейсмографом, регистрирующим изменения в общественном мнении. Я отвергаю такую точку зрения не потому, что у меня недостает веры

¹ Тайлер, Джон (1790–1862), 10-й президент США (1841–1845).

в «разум народа», а потому, что такая концепция демократии в действительности означает недостаток веры в народ. Те, кто отрицает долг представителя быть связанным любым желанием избирателей – независимо от того, к каким выводам подводят его личные размышления, – в действительности доверяют народному разуму. Они верят в свое собственное чувство справедливости, они верят в свою способность воздавать должное мужеству и уважать чужое суждение, верят, что в конечном счете они поступят бескорыстно в интересах нации. Это вера, на которой основывается демократия, а не просто зачастую тщетная надежда на то, что общественное мнение будет всегда и при всех обстоятельствах немедленно совпадать с общенародными интересами.

Короче говоря, избиратели выбрали нас, потому что они верили в наше суждение и в нашу способность реализовать это суждение, понимая, в чем заключаются их основные интересы как часть общенациональных интересов. Это может означать, что нам следует время от времени направлять, информировать, поправлять и иногда даже игнорировать мнение избирателей, если мы намерены полностью реализовать наши взгляды, которые обеспечили наше избрание. Но, действуя без эгоистичных мотивов и личного предубеждения, те, кто прислушивается к советам разумного сознания, не являются аристократами, демагогами, эксцентриками или черствыми политиками, нечувствительными к мнению широких масс. Они ожидают – не без волнений и трепета, – чтобы их избиратели стали конечными судьями разумности взятого ими курса; но они верят в то, что их избиратели – сегодня, завтра или даже в следующем поколении – будут по крайней мере уважать принципы, которыми была мотивирована занятая ими позиция.

Если их карьеры окажутся временно или даже навсегда погребенными под лавиной оскорбительных передовиц,

ядовитых писем и оппозиционных голосов в ходе выборов – а так иногда происходит, поскольку они проявляют готовность рисковать, – они ожидают будущее с надеждой и уверенностью, отдавая себе отчет в том, что голосующие массы иногда страдают от того, что бывший конгрессмен Т.В. Смит назвал «разрывом между нашим образом мышления и нашим образом жизни». Смит сравнил это с ситуацией, описанной в анонимной поэме:

Жила на свете такса
с безумно длинным телом,
Ей было невдомек, что путь
от головы к ее хвосту
Оказывается
очень долгим делом.
Случалось так –
из глаз ее печаль сочилась,
Но хвост все так же радостно вилял,
Как будто с ней
беды не приключилось.

К тому же, я сомневаюсь, может ли сенатор до голосования по принимаемому решению с уверенностью заявить, каково точно мнение большинства его избирателей по вопросу, представленному на обсуждение Сената. Все мы в Сенате живем в железных лёгких – в железных лёгких политики, и очень нелегко вырваться из этой разреженной атмосферы, чтобы дышать тем же воздухом, которым дышат наши избиратели. Столь же трудно встретиться лично с достаточным числом избирателей, если не считать профессиональных непрошенных поклонников и громогласных личностей, собирающихся вокруг политика на его пути домой. В Вашингтоне я часто обнаруживаю, что верю в то, что сорок или пятьдесят писем, шесть визитов профессиональных политиков и лоббистов и три редакционные колонки в газетах Массачусетса представляют собой